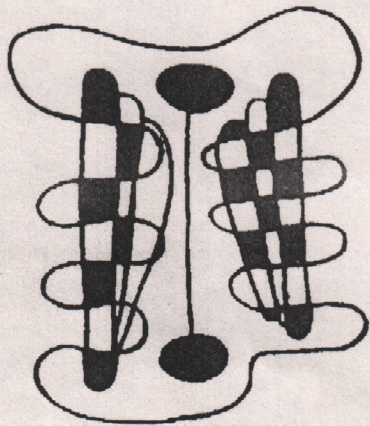

1941—1944

А. М. Родченко. Композиция из серии «Обтекаемый орнамент». 1942.

1941

Масса пропущено. Это по причине болезни. А через год уехал в эвакуацию, настроение болезненное и мрачное.

20 декабря

Хорошенькое дело, шестой год, а дневник пишется — всего 60 страниц. 10 страниц в год...

Болен, 23 марта 1941 г. Воспаление почек...

Эвакуация. 1941 — 1942 гг.¹

28 октября 1941 г., г. Очер, Молотовской области.²

Отучился от философии и фантазии, в которой разочаровался, как в науке и технике в период мировой войны...

А сейчас мы в Очере, в 25 километрах от железной дороги, в ста километрах от г. Молотова (Пермь), где непролазная грязь, а сам автор сидит в избе и тоскует обо всем, особенно о табаке.

Нет фотопринадлежностей. Неизвестно, приедет ли увеличитель для фотографии или его придется, как Робинзону Крузо, делать самому из ничего

и ничем. Правда, уже придумал, как его сделать. На дворе заливается Димка. За стеной плачет девочка Нины Андреевны, хозяйки. Варвары нет, она работает в мастерской Агитплаката, организованной художниками Левиным,¹ Зусманом и Фиалкой (Штеренберг)², работает, как каторжник, с 10 утра до 10 вечера, трафаретит с чужих оригиналов. Днем написал вывески, так я называю кино-рекламы для Очерского кино-сарая-театра, где работаю в штатах «художником» и получаю оклад 200 руб. в месяц. Но зато у меня есть свободное время, и я могу читать, рисовать и писать.

А в это время Москва в осадном положении, и вся моя живопись осталась там... Но все же падать духом не следует. Будем опять камень за камнем строить жизнь заново.

В конце концов этим занимаются тысячелетия, то разрушают, то строят.

В Очере все говорят одинаковой тональностью и ритм речи одинаков, ко всем словам прибавляют «то, те и дык», делая ударение на конце фразы.

Я хожу в кожаном грязно-желтом пальто, в серых шерстяных чулках и лыжных толстых ботинках и вызываю удивление, почему, не знаю.

А я так не любил в Москве чем-нибудь выделяться в costume.

...Задача двойная, начать писать незаметно воспоминания и писать, что сейчас имеется. Не знаю, удастся ли это или нет, но что-нибудь получится, если аккуратно писать каждый день. Варвара должна сегодня разговаривать по телефону с Елизаветой Игнатович, которая ездила в Москву с Микулиным.

В Очере, как и в других сельских местах СССР, люди трудятся очень много и по хозяйству, и по огороду, и все почти делают сами. Кроме этого мой хозяин Афанасий Алексеевич Кочергин работает на заводе токарем две смены и еще проходит Всеобуч. А дома, когда есть дела, то крышу чинит, то печь, то с реки таскает дрова. Картофельную муку на зиму нужно приготовить осенью. Сидит бабушка и прядет «обратно» из ваты нитки, и вяжет из них кофты, варежки и юбки. Война...

Здесь курят самосад. Пьют брагу...

Из современной Европы есть три вещи: кино, радио и газета.

Кино-сарай показывает картины, затрепанные двадцатью годами, вроде «Златые горы». Газета есть, но она для районных колхозов, а здесь ее не видно.

Радиотрансляция у каждого имеется, как вечно говорящая машина, радио не выключают ни днем ни ночью, «деньги заплачены».

Принято не открывать форточки и окна, «дерево дышит». Жара, духота — топят — «пар костей не ломит». Окна открывать — мухи налетят и пыль. А мухи в таком количестве, что стоит шум в воздухе...

Здесь все проблема. А сюда культуру и искусство несет тонкий провод радио и кино. Крутом лес и поля...

Жалко, что избрал себе такую пассивную профессию, как художник. Нужно было бы быть изобретателем...

29 октября 1941 г., Очер.

Мы ехали в телячем вагоне 8 дней, а сейчас еще дома — 14 дней.

Хозяева сегодня режут капусту, кладут в бочки и «задают» камнями. А мне хочется тоже иметь землю, огород, свою капусту, картофель, морковь, огурцы, репу, лук, свое варенье. И жить в тишине все 24 года...

Стремилась к городу, учиться...

Интересно, что искусство и я все время должен был чего-то ждать, все еще было «не время», то ждал, когда кончится война (мировая), то шли стройки... А в Москве может погибнуть все то, из-за чего я прожил 50 лет. И разве кроме меня кто-либо пожалеет?

В Очер приехал художник Черемных. У него такая идея, поставить художников в такое положение, чтобы мы были нужны, чтобы мы обслуживали Очер.

Вчера развешивал в Исполкоме плакаты. Варвара заработала 150 р.

Приезжающих эвакуированных направляют в колхозы, потому что в городе нет свободных комнат.

2 ноября 1941 г., Очер.

Скоро октябрьский праздник, 7 ноября, и поэтому много дел. Письма идут 12 дней.

Москва в осадном положении...

Здесь готовятся к празднику, и я занят оформлением поселкового Совета и «Красной площади».

В магазинах все исчезло. Спички исчезли. В аптеке тоже ничего нет. Нет соды, касторки, вазелина (капли валериановые, гофманские, желудочные выпиты как спиртное). Еще пока есть чернила, карандаши. Бумаги нет. Но все это не важно. Надолго ли?

А я всё жду из Москвы всего, и ничего нет, и кажется, жду безнадежно.

Варвара купила пудру за 60 коп. и губную помаду за 1р. 20 коп. Сами пекли черный хлеб, и он кажется вкуснее московских булок.

10 ноября 1941 г., Очер.

Очень тяжело деньги зарабатывать. 200 р. в кино и 100р. в газете⁴, а еще нужно послать в Москву 100 р. за квартиру. Как мы влипли в эту эвакуацию.

17 ноября 1941 г., Очер.

С утра еще темно, совсем ночь, но хозяйка Нина Андреевна уже грохает, носит дрова, воду, топит печь и пилит глухую бабушку. Еще нет и шести. Она интересуется, что мы купили, что едим, больше ничего не интересует. А вообще она добрая и угощает нас. Вчера мылись в бане, голове жарко, а ноги в холоде.

Пишу при лампе. Варвара приготовляет обед, а я делаю хлеб на два дня. Черемных поработал бесплатно и не получил денег, мечтает заработать и уехать в Сибирь, к Шлепянову в театр...

Черемных спросил, почему я не режу линолеум для газеты.

Передо мной чудные пейзажи, но писать их нельзя, да и красок нет...

16 ноября 1941 г., Очер.

Вчера заболел и весь день пролежал. В редакции вдруг заказали плакат на тему «Собирай деньги на танковую колонну!» После плаката Черемных можно делать и мне.

И в конце концов что грустить, кончится война и везде можно будет жить. Разве плохо и здесь иметь свою избу и хозяйство. А потом можно писать чудные вещи. Не так уж плохо будет к старости и даже лучше, чем сидеть в душной Москве.

20 ноября 1941 г., Очер.

Сегодня вызвали опять оформлять парткабинет. Я сказал, что сделаю все с удовольствием, но у меня есть просьба, помочь мне купить табак, муку и картошку. Ответили, что поговорят... Я: «да уж вы там поговорите, а то я не знаю, как вам помочь». Думаю, хватит бесплатно работать. В столовой поел постного супу, теперь уже не дают конской колбасы.

Ничего не продается. Исчезло кофе «Здоровье». Каждый день приносят печальные вести... Мне не верится, что Германия так здорово могла всех обмануть и так победоносно шествовать по всему миру вплоть до Америки, что стоит вопрос о существовании нашего государства...

21 ноября 1941 г., Очер.

Сегодня открыли меновую торговлю. Обменяли 1,5 метра материи и 4 метра сатину и фуфайку Мули на пуд картошки, кило масла, кило мяса, два стакана меда и 2 стакана махорки. Иначе ничего не купишь. А менять у нас уже нечего.

Делаю плакат «Создадим танковую колонну!» Какое странное состояние... Сегодня в дикий мороз простоял в холодной лавке за мукой 4 часа, а вдруг завтра совсем не дадут муки...

Вот у меня сейчас нет ничего, ни картин, ни книг, ни вещей, но если будет хлеб, я проживу, и опять все будет.

Фашисты занимают города, гибнут люди...

11 ч. ночи. Муля спит. На печи стоит хлеб, подходит тесто на три дня. Тепло. На столе рисунок плаката, махорка, а на улице мороз. За стеной хозяйка разговаривает с глухой бабушкой, маленькая дочь хозяйки больна, потому все не спят.

По всему фронту идут бои. Немцы под Москвой...

22 ноября 1941 г., Очер.

Также и сегодня ничего из Москвы... Ни привета, ни фонаря.⁵

Итак, завтра 50-летие и день рождения. Это будет унылый праздник за все 50 лет.

Милая Варвара, она изо всех сил старается что-нибудь сделать мне радостное, сберегла муку, ставит пирог. Она остается все той же маленькой женщиной, влюбленной в меня, которая 26 лет старается в день моего рождения устроить праздник. Это очень трогательно. И особенно сейчас, при наших условиях, когда мы в глуши Урала, в мороз 50 градусов, оторванные от всего.

Мне стыдно жаловаться...

Завтра несу плакат. Завтра еще буду ждать из Москвы. А уже послезавтра не буду. Ну ее, эту посылку. А как все-таки хочется что-нибудь получить к рождению.

Все ушло в неизвестное прошлое. Москва, квартира, книги, рисунки, лаборатория... Все стало, как сон. Было ли это? Или сейчас сон. Где же сон?

Я хоронил в своей жизни. Отца, мать, любимых женщин, живопись, и теперь все разом, вместе с Москвой.

Двадцать пять лет тому назад, а может быть и тридцать, я встречал Новый год у Тамары Поповой. Было довольно много народу, Тамара, ее сестра, Валя, их дядя, ее мать и я, и еще один студент нашей художественной школы Хансаев, осетин. Было жутко весело, пили, не помню что. Потом гадал. Я был страшно влюблен в Тамару и поэтому грустен, т. к. не мог ничем ей это показать. Настроение было минорное. Потом все оказалось не так. Значительно позднее выяснилось, что Тамара меня любила, а я напрасно тогда страдал.

Вот так же бы все выяснилось, что мы напрасно страдали в Очере.

23 ноября 1941 г., Очер.

Итак, 50 лет. Мое рождение.

Поселок Очер Молотовской области, 1500 км. от Москвы.

Праздник все же вышел. Может быть первый здесь, а может и единственный. Варвара испекла пирог с мясом и рисом (рис из Москвы, пахнет нафталином), но это неважно.

Утром был настоящий кофе с молоком и сахаром. Настоящий мед и настоящий табак. Она сама страшно довольна, а я вдвойне, что все удалось. Утром повесил плакат... Вышел «не особенно», но надеюсь, что следующий будет смелее, буду делать в стиле Гроппиуса. Художники наши жалуются, что голодают, собираются в колхоз, но боятся тифа. У меня же такое впечатление, что эти трудности все же временные, что все еще наладится, как и наладится помощь союзников. А если я и ворчу, то это от сердца. Варвара спит. Муля в кино. Лизавета (Игнатович) прислала

телеграмму — поздравление, но это дело рук Варвары, она, конечно, ей напомним. Но я делаю художественный вид, чтоб не огорчалась. Завтра писать «вывески».

У парнишки покупаю старый листовой самосад-табак, намачиваю медом, ставлю бродить в печь, потом сушу, и получается курево. В магазинах скупили весь суррогатный кофе, в аптеке совсем чисто. На базаре — ничего. Черемных и Шлепянов собираются в Барнаул.

25 ноября 1941 г., Очер.

Все жду из Москвы. Но если даже не пишут, что же там делается? Скурихин пообещал вызвать и пропал, жена его тоже, ни звука не пишет.

Механизирую писание вывесок, писать приходится на морозе.

26 ноября 1941 г., Очер.

Ничего нет... Москва в опасности. Наступают фашисты... Как она, милая, выдержит?

30 ноября 1941 г., Очер.

† Из Москвы вместо посылки пришла телеграмма: «Автографы Маяковского по рекламе найти не могу, срочно телеграфируйте место нахождения». Езерская (директор музея В. Маяковского).⁶

А автографы здесь, у нас.

Ну а наше местонахождение без теплых вещей никто не запрашивает.

Ходили к секретарю парткома, обещал по 15 кг. картофеля и карточки рабочие.

3 декабря 1941 г., Очер.

На фронте хорошие вести. Взяли наши Ростов. Много трофеев... Правда, достали три ведра картошки. Это по распоряжению секретаря. Холодно... Скучно... Положение такое, что никуда ехать нельзя...

24 декабря 1941 г., Очер.

Нет керосина.

Из Москвы письмо от Жоржа Петрусова, что посылок не принимают.

Пишу вывески. Делаю раз в неделю плакат в газету.

Немцев гонят от Москвы.

30 декабря 1941 г., Очер.

Итак, Новый год.

Получили телеграмму от Езерской, что «попутчиком послали вещи, два пакета, в Молотов, на имя Е. Игнатович, выезжайте получением». Это уже радость первая.

2 января 1942 г., Очер.

С новым годом и жизнь наша изменилась к лучшему. Купили муки 20 фунтов, выдали 100 гр. сахару. Пришла в Молотов посылка, немного веселее.

+ Встречали Новый год у Окулова Дмитрия Даниловича, секретаря редакции «Сталинский ударник». На празднике была картошка вареная с огурцами без масла, кофе без молока, но с сахаром, и пирожки с капустой.

Мы подарили абажур своего изделия и карты также своего изделия и играли в преферанс. Муля встречала в школе. Красная Армия наступает.

Настроение у всех эвакуированных улучшилось. Жду... Может быть, в посылках есть табак...

7 января 1942 г., Очер.

Вчера Варвара уехала в Молотов, хлопотать всеми способами уехать в Москву или хоть бы в Молотов и получить посылки. Едим хлеб и суп, но хлеба прибавили и теперь хватает $800+800+400=2$ кг. Написали письма в Москву Горчакову и Езерской, может быть, все-таки, какая-то надежда.

9 января 1942 г., Очер.

Варвара звонила из Молотова, говорила, что Езерская прислала замечательное письмо и все, что нам нужно. Написала, что квартира будет цела и что комендант Перов охраняет ее, так как проникся к нам уважением. Лизавета и Кирилл хотят ехать к нам, привезут табак. А пока едим сухари и кофе «на здоровье». В Москву нужно ехать по одному, кому лучше, не знаю. Болит голова. Тяжелый воздух в комнате. Жарко и парно. Пахнет лекарством. Это лечится бабушка. Мулька спит.

Завтра делать плакат.

12 января 1942 г., Очер.

Обидные и неприятные вещи, приказом из Верещагина приказали в театре с 6 до 12 — занять обязанности билетера, ввиду того, что я имею слишком много свободного времени. Я отказался, не знаю, чем это кончится. Им все равно, что художник, что швейцар. Окулов ушел в армию, это был единственный человек, с которым можно было поговорить. Мы с Мулькой вдвоем. Варвара не звонит и не едет.

Ходил в редакцию. Варвара звонила. Есть работа в Молотове, в Литературном музее, устроить выставку Маяковского. И благодаря этой работе можно прописаться и жить в Молотове. Мечтаю о городе, хочется уехать, видеть улицы, фонари, магазины и т. д.

В комнате мокро и сыро. На улице падают хлопья мокрого снега. Хочется бежать отсюда. Надоели очерские бабы, которые плят глаза, как на чучело.

Муля не может заниматься, все время кто-нибудь громко разговаривает, орет радио.

15 января 1941 г., Очер.

Варвара звонила. Валя Тиунова (редактор) злая, ей не нравится этот разговор из редакции об отъезде. Она ждет Варвару, чтобы она взялась за работу в редакции (секретарем вместо Окулова). Заперла дверь в кабинет и сказала курьерше, чтобы звонили снизу, из типографии. Вот и видно, как работать в редакции, потом не отпустят добром.

17 января 1942 г., Очер.

Варвара звонила и сказала: «Готовься к новым невзгодам — комнату нашла, в ней живет мужчина, работает в ночной смене, нет дров и т.д.

+ Леня Зусман ушел в армию, и бригадир опять Левин. Приехал из Молотова и сообщил, что трафаретить всем, являться вовремя и расписываться в приходе и уходе. Будет он и бригадир, и бригада. Пусть будет плохо в Молотове, чем хорошо в Очере.

18 января 1942 г., Очер.

Варвара хотела звонить, и я сидел в редакции целый вечер.

Мороз минус сорок восемь градусов.

Левин требует, чтобы я трафаретил с утра до вечера.

Керосина нет и не будет, и длинные вечера нужно спать и спать.

Варвара ищет комнату и не может найти. Она в дикий мороз бродит по улицам Молотова почти уже месяц. Вещи теплые лежат в Молотове.

20 января 1942 г., Очер.

Мороз -50 градусов. Иду в редакцию. Может быть, Варвара позвонит. Жду... жду...

Еле дошел до редакции, уже замерз до того, что два часа отогревался у горячей печки, особенно ноги, хотя ноги были в бурках, а сам в осеннем пальто.

22 января 1942 г., Очер.

Мороз уже -60. Как же там Варвара? Не замерзнет ли совсем? А она все ходит и ходит... Доедаем последнюю картошку. Писать перестаяю до лучших времен...

3 марта 1942 г., г. Молотов, Казанский тракт, 94.

Прошло полтора месяца, как мы начинаем снова все сначала. Переезжали в Молотов, и самая главная причина, негде писать. Варвара вызвала нас в

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В эвакуации Родченко вел дневник в другой книжке.

² Из Молотова Родченко с семьей должен был переехать в город Очер.

³ Фиалка Давыдовна Штеренберг (1918—1995), дочь художника Давида Штеренберга.

⁴ В Очере Родченко работал художником при кинотеатре — писал вывески, а также снимал фоторепортажи для газеты «Сталинский ударник».

⁵ Родченко ждал, что кто-нибудь из знакомых поможет ему переслать в Очер его фотоувеличитель из Москвы. Он собирался заняться в Очере фотографией.

⁶ Родченко послал телеграмму директору библиотеки-музея Маяковского Агнии Езерской с просьбой осмотреть его квартиру в Москве, сложить ценные вещи в фотолабораторию и, видимо, взять что-то особо ценное для музея. Взамен Родченко просил прислать в Очер что-либо из теплых вещей. Езерская искала автографы Маяковского (записки, эскизы к рекламе), но оказалось, что Родченко и Степанова взяли эти документы с собой.

⁷ Быков Захар Николаевич (1898—1987), художник, педагог, ученик Родченко по ВХУТЕМАСу-ВХУТЕИНу, работал в те годы в Комитете по делам искусств.

⁸ Тип маргарина.

⁹ Чагин Петр Иванович, директор Гослитиздата.

¹⁰ В тот же день Родченко переписал с некоторыми изменениями запись и послал как письмо дочери. Она в это время была на лесозаготовках под городом Касимовом Рязанской области.

¹¹ Речь идет о декоративных композициях из серии «Обтекаемый орнамент», написанных по эскизам 1941—42—43 годов.

¹² Катанян Василий Абгарович (1902—1980), литературовед, супруг Лили Брик. Его хроника жизни Маяковского действительно переиздавалась с тех пор 5 раз.

¹³ Фоторепортер Г. Петрусов сделал серию снимков Эдуарда Бенеша, чешского государственного деятеля. По предложению Петрусова, по заказу Всеславянского комитета, Варвара Степанова сделала проект футляра для этих фотографий. Все это было преподнесено Бенешу как подарок.

¹⁴ В дневник Родченко была вклеена записка от дочери с ее Новогодними пожеланиями отцу.

¹⁵ Приехав в Москву, Родченко начал устраивать жизнь как заново: нужно было получить прописку, документы для карточек, заплатить за квартиру, найти работу и устроить вызов для приезда Степановой в Москву из Молотова.